

Яна Дубинянская

Лестничная площадка

Часть первая

Глава I

Оставалось только бросить машину и бежать в лес — что он и сделал. Черная стена хаоса спутанных голых веток казалась сплошной и совершенно непроходимой. Ноги, как только он сошел с асфальта, по щиколотку утонули в липкой жирной грязи. Он бросил тело вперед, пытаясь раздвинуть кустарник, спрятаться за темнотой. Ступня зацепилась за невидимую петлю корня или поваленного дерева, он не сумел удержать равновесия и, упав лицом в острые прутья, покатился вниз по неожиданно крутому склону. Сплетение ветвей и сучьев затормозило падение, он поднялся было на ноги — и снова упал в грязь, смешанную с прошлогодними листьями.

Там, наверху, шоссе осветилось огнем фар. Он услышал визг тормозов, а потом короткий стук горошин о стенку — автоматную очередь. Они расстреляли его машину, но дальше почему-то сразу не поехали. Он вжался в землю, напряженно прислушиваясь к каждому звуку. Кажется,

открылась дверца... Они вышли посмотреть на его труп. Пустить пулю в голову. Под рукой хрустнула веточка, и он замер — хотя услышать это там, на шоссе, они, конечно, не могли. Даже он, как ни старался, почти ничего не слышал — а ведь они, не обнаружив в машине изрешеченного тела, навряд ли молчали. Несколько минут он лежал совершенно неподвижно, чувствуя, как медленно погружается в жидкую грязь. Наконец, со стороны шоссе послышался шум отъезжающего автомобиля. А через несколько секунд ночной лес озарила ослепительная вспышка — звук взрыва раздался мгновением позже.

Он тихо поднялся, опираясь на шершавый ствол дерева. Подумал о машине. О своей сверкающей, идеально-гладкой темно-синей «Мазде», которую он вел по трассе медленно и осторожно, а паркуясь, всегда боялся поцарапать о что-нибудь. Две недели как из автосалона. Его первая машина. Ее покупка торжественно знаменовала начало совсем новой, другой, настоящей жизни — превращенной теперь в дымящиеся обломки на ночном шоссе.

Ободранные ладони саднило, он попытался обтереть с них грязь о кору дерева — ощущение было такое, будто кожи на руках нет вообще. Одежда, насквозь промокшая и пропитавшаяся грязью, липла к телу. Внезапно он почувствовал

холод, пронизывающий холод позднего октябрьского вечера. Надо было куда-то идти. В конце концов, они вполне могли вернуться и прочесать лес у дороги — если им действительно нужна его жизнь. А он уже верил, что она им нужна.

И он побрел неизвестно куда, раздвигая колючие ветки и прикрывая лицо выставленным вперед локтем. Хуже последнего бездомного нищего. А ведь начиналось... черт возьми, все это совсем неплохо начиналось!

Он же не продавал душу дьяволу — хотя возможности то и дело подворачивались. Большинство приятелей из тренажерного зала ходили в телохранителях у шишек теневого бизнеса, неплохо зарабатывали и недолго жили, — он смотрел на таких с состраданием и наотрез отказывался играть в эти игры, когда ему предлагали. Отец не для того вложил все свои сбережения в учебу сына в престижном колледже, чтобы он продавал свои мускулы на пистолетное мясо. Правда, все попытки продать мозги неизменно оканчивались на этапе заполнения анкеты знакомыми словами: «ждите, мы вам перезвоним». Он уже был готов честно признать поражение и вернуться на щите в родной провинциальный городок, когда представитель одной из бесчисленных обойденных им фирм

действительно перезвонил.

Но ведь, боже мой, черт возьми, это была монолитно-солидная, совершенно добропорядочная, старая и надежная компания!

— Грегори? — спросила, мельком взглянув в бумаги, маленькая женщина. — Присаживайтесь.

И офис у них был обставлен просто и практично, ни намека на роскошь, ничего призванного поразить воображение. Легкая белая мебель, два компьютера на столах, жемчужно-серые обои и занавески, ворсистое ковровое покрытие на полу. Несколько графических работ на стене над низким диваном и букетик ландышей на столе у женщины рядом с компьютером. Тогда была весна...

— Меня зовут Ольга, я генеральный директор компании, — сказала ему маленькая женщина. — Мы с Полом ознакомились с вашим резюме. Кажется, вы нам подходите. Вы говорите по-французски?

Он кивнул, и она без паузы задала ему вопрос на французском языке. Он уже не помнил, что именно она спрашивала. Он вообще не помнил деталей разговора — помнил, что это было коротко, по сути, в деловом тоне и в то же время достаточно по-человечески. Пол — коммерческий директор компании, он сидел за столом напротив Ольги, — бегло обрисовал ему специфику предстоящей

работы. Его брали на должность офис-менеджера — Грег предпочел бы что-нибудь более интеллектуальное, и Ольга, безошибочно отследив тень легчайшего разочарования на его лице, мимоходом сообщила о реальной возможности дальнейшей карьеры в компании.

— Но высокой зарплаты мы сразу предложить вам не можем, — сказала она. — Первое время, пока мы еще не знаем друг друга, вы будете получать...

И Грегу понадобилась вся сила воли, чтобы сдержаться, не просиять неудержимой глупой мальчишеской улыбкой. Потому что названная ею цифра в десять раз превосходила все его домашние предварительные подсчеты. В эту фантастическую цифру помещались пара новых костюмов, абонемент в лучший тренажерный зал, французские духи для матери, комната чуть ли не в центре города, а в следующем месяце, пожалуй, первый взнос за машину... Ту самую. Темно-синюю «Мазду».

Ольга протянула ему для пожатия руку — невероятно маленькую и тонкую, с миниатюрными, покрытыми бесцветным лаком ногтями и узкой полоской обручального кольца. На ощупь эта рука была железной.

А на лестнице он скакал через три ступеньки, едва удерживаясь от соблазна скатиться по

перилам. И по улице — конечно же, ярко светило солнце, — бежал два квартала вприпрыжку, как школьник. Цвели какие-то деревья, и, заломив в прыжке облепленную розовыми цветочками ветку, Грег вручил ее первой встречной девушке. Потом направился в «свой» бар, и, никого там не застав, закатил одинокую оргию из шести кружек пива.

Эйфория не затянулась, ее заменила работа — поначалу тяжелая, а затем, когда он разобрался в структуре и делах компании — довольно рутинная. Впрочем, появились приятели, наметился роман с блондиночкой-компьютерщицей из соседнего отдела, и Грег начал просыпаться по утрам со спокойным и приятным сознанием того, что в его жизни присутствуют все компоненты, дающие ей право называться счастливой. И так ведь оно и было, черт возьми!

Старая солидная компания. Ему казалось, что, как офис-менеджер, он знает о ее делах практически все. И это практически все было идеально-безупречным, помещалось в рамки закона и никаким концом не уходило в тень. Он бы знал. Он бы знал, по крайней мере, что есть аспекты, с которыми ему лучше не соприкасаться. Но ведь ничего подобного!

Случайность была неприлично мелкой, нелепой, досадной. Он подготовил для Ольги список заказчиков на предстоящие поставки и отнес

его в директорский кабинет. Ни Ольги, ни Пола не было, и Грег положил бумаги на стол рядом с букетом полупрозрачных сухих цветов в маленькой фарфоровой вазе. Ольга любила цветы...

Канцелярская скрепка. Никчемная, никому не нужная скрепка — он задел ее листом бумаги и смахнул в полуоткрытый ящик стола. И ничего, черт, ведь абсолютно ничего бы не случилось — если бы он не захотел достать эту скрепку и не выдвинул ящик...

Скрепка упала между пачкой длинных дамских сигарет и фотографией красивого молоденького мальчика — наверное, сына Ольги, — в рамке под стеклом. А еще там лежали какие-то бумаги в прозрачном файле — но он же не видел, не смотрел, даже краем глаза не прочитал ни единого слова!..

— Грегори, что вы здесь делаете?

Голос у Пола был сухой и не слишком окрашенный эмоциями — Грег поначалу понял его вопрос в прямом смысле и показал список заказчиков. Пол больше ничего не сказал. Под его пристальным взглядом Грег медленно задвинул слишком громко скрипнувший ящик стола...

Его вызвали в директорский кабинет через два часа. Грег пытался оправдаться, чувствуя неубедительность своей истории и как бы со стороны наблюдая собственную нелепую фигуру с

воображаемой скрепкой между большим и указательным пальцами. С равнодушно-скучающим лицом Пол выслушал его до конца — и выложил на стол конверт с деньгами.

— Вы больше у нас не работаете, Грегори, — сказал он. — Жаль. Вы были неплохим работником.

А все время молча сидевшая за столом Ольга вдруг подняла глаза и добавила:

— И парнем вы были неплохим.

...Он не заметил залитую осенними дождями балку и выше колен провалился в ледяную черную воду. Вцепившись в ствол дерева, подтянулся и, распластавшись животом по жирной грязи, вылез с другой стороны. Может, в этом месте они сойдутся со следа. Может быть, еще удастся уйти.

Увольнение было катастрофой. Он несколько часов медленно кружил по улицам города, подавляя банальное желание вдрызг напиток. Стемнело, пошел дождь. Грег вдруг решил поехать к Элси, компьютерщице, она жила в предместье, на другом конце города. Уже тогда он заметил черный «Ягуар», навязчиво маячивший в зеркале — и не придавал этому значения, он вообще был не в состоянии придавать значение чему-либо. А Элси не было дома, был только холодный октябрьский вечер, темная пустота между подъездом и его машиной — и сухой, нелепый звук автоматной очереди, прошивший воздух там, где мгновение

назад была его голова.

А дальше — классическая голливудская погоня, его тело работало на неизвестно когда и как сформированных рефлексах, а сознание тщетно пыталось постичь смысл этой дикой ситуации. «И парнем вы были хорошим...» Документы в ящике стола, которых он не видел — но ведь мог и увидеть, и начальство решило не рисковать. Он пытался найти другое объяснение, это было слишком простым и унижительным — но все же, судя по всему, единственно правильным. Ольга, женщина с маленькими железными руками... ей и в самом деле жаль, он был хорошим парнем...

Кустарник снова встал сплошной стеной, Грег пошел напролом, оставляя ключья одежды на упругих прутьях — и вдруг лес кончился. Впереди тускло поблескивал мокрый асфальт, одинокий автомобиль промчался по шоссе, осветив на мгновение невысокий навес автобусной остановки на той стороне.

Грег остановился. Он совершенно потерял ориентировку — та ли это дорога, на которой сгорела его машина? — или нет, не мог же он сделать полный круг по лесу, а какие тут есть еще дороги? — он не помнил даже приблизительно и понятия не имел, что за автобусный маршрут мог иметь здесь остановку. Совершенно автоматически, еле поднимая ноги с налипшими килограммами

грязи и листьев, он побрел к ней наискось через шоссе.

Они появились на дороге одновременно: мирный, медленный, ярко освещенный автобус — и черный «Ягуар» с темными стеклами и прожекторами фар, направленными прямо на него, в лицо, в глаза...

Он побежал, прихрамывая, спотыкаясь — но отчаянно, как никогда в жизни. Они могли не заметить его... они должны были его не заметить!.. Автобус подходил к остановке — а вдруг он проедет мимо, вдруг никому не нужно выходить здесь?!

...Он тяжело привалился к захлопнувшейся створке — изнутри, боже мой, изнутри! Преследователи остались снаружи, хоть бы они не успели его увидеть, иначе они будут преследовать автобус, дождутся, когда он выйдет... Но все равно — он выиграл передышку, время прийти в себя и что-нибудь придумать. Стараясь держаться подальше от заднего окна, Грег поднялся в салон и уже хотел рухнуть на ближайшее сиденье...

Оно было такое светлое, чистое, обитое палевой кожей. Только тут Грег почувствовал взгляды пассажиров — они разом обрушились на него, удивленные, недоуменные, брезгливые. Эти люди видели невозможно грязного, ободранного, окровавленного бродягу, а скорее всего —

преступника. Грузная женщина, занимавшая место рядом с тем, где он хотел сесть, покосилась на Грега и привстала, собираясь подвинуться ближе к окну. И в этот момент автобус тряхнуло на повороте, Грег взмахнул руками, теряя равновесие, облепленные грязью ботинки заскользили по полу, пальцы сомкнулись в сантиметре от поручня, и он затормозил падение, только упершись черной исцарапанной ладонью в обширное плечо пассажирки.

Несколько секунд она ошеломленно хлопала накладными ресницами, — Грег успел выпрямиться и пробормотать извинения, — и тут она зажмурилась и завизжала противным душераздирающим голосом. По головам пассажиров прокатился ропот, перерастая в неуправляемую волну агрессии. Кто-то крикнул, чтобы остановили автобус. Несколько мужчин повставали с мест. Грег затравленно огляделся по сторонам, бросил взгляд в темноту за окном, пронизанную слепящими фарами легковых машин — среди них могла быть и та, черная...

Он вцепился в поручень обеими руками, на которых грязь, смешиваясь с кровью, подсыхала бурой коркой, — вцепился мертвой, отчаянной хваткой.

И тут я положила сверху свою руку в светлой перчатке и, обернувшись к пассажирам, отдельно

сказала:

— Извините нас, пожалуйста.

Глава II

Оказывается, я уснула и проспала почти двадцать минут, прислоняясь через неестественно изогнутое запястье ко вздрагивающему оконному стеклу. Автобус покачивало, темнота мирно светилась сквозь оплывшие буквы слова «ненавижу», написанного мной на запотевшем окне. А может, и не мной — во всяком случае, указательный палец моей перчатки уже высох, и вообще, все это было слишком давно.

Я размашисто протерла окно тыльной стороной ладони, сняв перчатку, и снова натянула ее на влажную руку. В конце концов, просто не надо было к нему переезжать. Если бы мы встречались, как раньше, по субботам, это могло бы продолжаться неопределенно долго. Другой вопрос, зачем — но могло бы. И не пришлось бы сейчас ехать неизвестно куда на ночь глядя... только и всего. Больше ничего бы не изменилось.

Надо же, я уже сейчас плохо помнила его лицо — только перебитый нос и детские пухлые губы. Вообще-то он был хороший, такой наивный и неловкий, похожий на медвежонка. Все тело — тело я помнила гораздо лучше — в дремучих

черных волосах, большое, тяжелое, сильное. Он любил носить меня на руках. Правда, последнее время все чаще не туда, куда я хотела, — я пожалала плечами и тихонько рассмеялась. Последняя фраза, которую он мне сказал: «Спорим, я не дам тебе выйти отсюда?... Спорим, ты вернешься?!»

За темным окном угадывалась зубчатая стена леса, накладываясь на четкое отражение моего лица. Вглядываясь в темноту, я принялась сочинять адаптированный вариант этой истории для Марты. С Мартой мы не виделись года два, да и раньше не настолько дружили, чтобы вот так вламываться к ней среди ночи с намерением поселиться как минимум на пару дней. Но у Марты всегда, сколько я ее помню, лежали в сумочке дамские романы в бумажных обложках. И она плакала над ними совершенно искренне, не жалея туши на ресницах.

Начать надо с фонтанчика.

...Тонкая струйка фонтанчика для питья, падая на мраморный ободок, разбивалась пылью брызг, на которых дрожала маленькая радуга. Молодой спортсмен пил долго и жадно, его широкие плечи, усеянные бусинками пота меж черной курчавой порослью, тяжело вздымались. Отпив последний большой глоток, он выпрямился и посмотрел на меня, детским движением большой руки вытирая пухлые губы.

Была весна, ярко светило солнце, я — уже не

помню, почему, — чувствовала себя счастливой... Я ему улыбнулась.

— Хотите пить?

Его голос еще чуть прерывался неровным дыханием. И я снова улыбнулась наивности этого вопроса, и наклонилась над фонтанчиком, и почувствовала на языке вкус ледяной воды, а на талии — прикосновение горячих рук...

Не совсем на талии, чуть ниже, — но уточнять, пожалуй, не стоило. Как и воспроизводить наш дальнейший диалог — который я к тому же помнила более чем смутно. Кажется, он пришел тогда к финишу то ли предпоследним, то ли еще хуже, и неудовлетворенные амбиции устремились в другое русло. Классической первой встречной оказалась я. И я это прекрасно видела, я с первого же взгляда видела его насквозь, простого, как дважды два четыре, — но он был мужчина, и он был непохож... Когда рядом оказывается мужчина, я ведь всегда вспоминаю... а он был непохож, совсем непохож... Но уж об этом точно не надо.

Поехали дальше. Наши тела непроизвольно потянулись друг к другу... нет, так сразу — Марта этого не поймет. Хорошо, наши тела непроизвольно потянутся друг к другу попозже, во время прогулки в лес. Тем более, что мы действительно когда-то там гуляли, это было еще до того, как он выиграл

профессиональный забег и снял эту самую отдельную квартиру — какой же идиоткой я была, когда согласилась туда переехать! Об этом тоже придется сказать, только перейти надо будет плавно, красиво.

Лес. В дремучей траве стрекотали кузнечики, а небо просвечивало сквозь темно-зеленые кроны...

— А-а-а-и-и-и-а-а-а-а!!!

Я дернулась всем телом, едва не вскрикнув сама, — нервы ни к черту! — и, привстав, обернулась. Толстуха, сидевшая за мной, вопила так, словно ее только что пытались изнасиловать или по крайней мере показали крысу. Светло-сиреневое пальто этой дамы украшал черный отпечаток растопыренной пятерни, расположенный как раз посередине левого плеча и до того четкий, что вполне мог бы сойти за какую-нибудь эмблему. Тем не менее, толстуха не переставала вопить — прямо над моей головой, в какой-то момент даже уши заложило. На этот крик, постепенно нарастая, наложились голоса других пассажиров, гневные и возмущенные. В автобусе развивалась склока, к которой я не собиралась иметь отношения. Я снова села и устремила взгляд в окно, где в темно-синей мгле покачивалась неровная стена леса. Значит, лес, кузнечики, небо...

Картинка за окном дернулась и замерла. Мы почему-то остановились, причем в совершенно

пустынном, явно произвольном месте на шоссе. Похоже, все-таки случилось что-то серьезное.

— Выбросить его, как собаку! — рывкнул, поднимаясь, мужчина, сидевший рядом со мной. Его голос органично влился в злобную агрессивную разноголосицу, из которой слух выхватывал отдельные реплики подобного же содержания. Я тоже встала — и только тут увидела его.

В эпицентре конфликта, прямо напротив меня стоял, вцепившись обеими руками в поручень, окровавленный, оборванный, облепленный грязью человек. Немыслимо грязный — это и удерживало пока от рукоприкладства разгневанных пассажиров, образующая вокруг бродяги немного пустого пространства, вроде заколдованного круга. На этом человеке буквально не было живого места, с которого не отваливалась бы жирная глина вперемешку с бурыми листьями. Вся его одежда пропиталась черным и липким — хотя изначально это была вполне приличная одежда, даже бывший галстук выбивался из-под разорванного плаща. Я всегда гордилась своей наблюдательностью. Я отметила, что ногти на его руках, покрытых черной корой, были коротко острижены, а исцарапанный в кровь подбородок — чисто выбрит.

А потом я увидела его глаза.

Он отчаянно озирался по сторонам в затравленной безнадежности, серые, подернутые

багровой сеточкой глаза со слипшимися ресницами блуждали по кругу, не находя нигде ни искры поддержки и наполняясь со дна обреченной решимостью сопротивляться до последнего... Он был совсем молод.

И вот тут я сделала шаг вперед, положила на черные содранные костяшки его пальцев свою руку в светлой перчатке и, обернувшись к пассажирам, раздельно сказала:

— Извините нас, пожалуйста.

В конце концов, почему это не мое дело? Парень явно не был ни бродягой, ни бандитом, с ним просто что-то случилось, а теперь вот он снова так нелепо, по-глупому попал в переделку. Почему бы и нет, в конце концов?

— Простите, Джим ведь не нарочно, — теперь я уже обращалась конкретно к толстухе в сиреновом, окрашивая голос мягкими, чуть ли не материнскими интонациями. — Знаете, мы гуляли в лесу, а там такие овраги, и, представляете, их же совершенно не видно, доверху залиты водой и листья сверху плавают. Когда Джим провалился, я даже ахнуть не успела. По шею провалился, представляете? Я так боюсь, как бы он не схватил воспаления легких, ведь по самую шею, и ледяная вода...

Стоило только начать нести откровенную чушь — дальше она несла себя сама, а я с

брезгливым презрением наблюдала, как злоба и агрессия на тупых физиономиях трансформировались в неприкрытый интерес зевак к захватывающему зрелищу. Надо же, этот грязный бродяга и эта красивая аккуратная девушка едут вместе, да он и не бродяга вовсе, ах, какое недоразумение, а мы чуть было... И хоть бы один идиот вспомнил, что я уже с полчаса дремала тут у окна!

— Непременно заварите чаю с липой, — с выражением крайней заботы на толстом лице произнесла жертва. — И разотрите молодого человека спиртом, вы слышали, юноша, пусть вас разотрут спиртом...

— А вы подождите, пока пятно высохнет, соскоблите его аккуратно ножиком, а потом почистите щеткой, — серьезно посоветовала я. — И следа не останется, обещаю вам!

Автобус тронулся, и пассажиры начали растекаться по местам. Я села к окну и в продолжение спектакля дернула за руку своего Джима, увлекая его на сиденье рядом. На этом должно было кончиться.

Я попыталась вернуться к своей романтической истории. Что у нас еще было красивого? Трудно сказать. За все время он не подарил мне ни единого цветка, даже на день рождения, не говоря уже о подарках. Ага, он носил

меня на руках.

Итак, каждую субботу, ровно в три часа, я останавливалась перед обитой кожей дверью со знакомым чеканным номером и нажимала на кнопку электрического звонка. Его трель была похожа на пение птицы, я пыталась уловить в ее переливах звук тяжелых шагов. Дверь запахивалась, и прямо с порога он подхватывал меня на руки, и я, закрыв глаза, отдавалась на волю его могучих рук...

Между прочим, так оно и было. Даже ничего не нужно сочинять — просто ненавязчиво забыть о некоторых вещах. Например, как, захотев поесть, он хватал меня одной рукой и нес на кухню — на самом интересном месте детективного фильма. Или бесцеремонно выносил за порог комнаты, если собирался в одиночестве насладиться соревнованиями по регби. Естественно, я относилась к этому с юмором и даже пыталась сопротивляться — а потом подсчитывала круглые синяки на запястьях. К тому же он не допускал мысли, что не я должна стирать его вечно разбросанные по комнате носки, чистить кроссовки, даже мыть бритвенный станок... все это, конечно, уже после того, как я к нему переселилась. Дура. И еще эти вечера, длинные осенние вечера в обществе человека, имеющего в лексиконе не больше пятидесяти слов. Вот, об этом я и скажу Марте. Мы

оказались слишком разными людьми, которых связывало только телесное влечение... Черт, надоело, противно. Если что, буду импровизировать.

За темным окном уже всю мелькали разноцветные огни городских фонарей и витрин. Я прикинула к стеклу, пытаюсь узреть хоть какой-то ориентир — в гостях у Марты я была один раз, черт знает когда и к тому же в компании, что обычно дает полное право не запоминать дорогу. Единственное, что я помнила — это была конечная остановка. Угловой дом, третий этаж. Я взглянула на часы: одиннадцать тридцать пять. Самое время для непринужденного дружеского визита.

Автобус развернулся на асфальтовом пятачке и остановился. Раздвинулись двери, люди косяком потянулись к выходу, я встала — и напоролась взглядом на этого самого парня, на «Джима».

Он не поднимался с места и, до предела повернув голову, напряженно вглядывался в темное заднее стекло, за которым было совершенно невозможно различить что-нибудь кроме мельтешения витрин и автомобильных фар. Грязь, пропитавшая его одежду, слегка подсохла, но все равно прикасаться к нему как-то не хотелось. Но он не вставал, а из автобуса уже выползала, посапывая, толстуха в светло-сиреневом, и мы были последними людьми, оставшимися в салоне.

— Простите, мистер, — начала я, и он вдруг лихорадочным порывом обернулся ко мне, словно услышал над ухом выстрел. Глаза у него были такие же затравленно-отчаянные, как и в тот момент, когда его хотели выбросить из автобуса. Я почему-то почувствовала себя виноватой, рассердилась на себя, на него, на поздний вечер и абсолютную нелепость ситуации, на того, кто был в этом виноват и опять же на себя... Снова захотелось написать на окне «ненавижу».

Я вежливо сказала:

— Дайте пройти.

Он молча смотрел на меня в упор несколько секунд — а потом выговорил глухим еле слышным голосом:

— Если я сейчас выйду на улицу... один... Меня убьют.

Честное слово, я бы сама кого-нибудь убила. Я могу, я же сумасшедшая. Я протянула ему руку и сказала очень по-деловому:

— Хорошо, выходим вместе.

Мы в ответе за тех, кого приручили. Сент-Экзюпери.

А доброе дело никогда не остается безнаказанным. Не помню, кто.

При выходе он подал мне руку — потрясающее, наверное, зрелище со стороны. Пассажиры автобуса уже успели разойтись, и мы

очутились на абсолютно пустынной улице, — тем не менее, ничего похожего на выстрелы из-за угла, естественно, не наблюдалось. Мимо проносились автомобили, отражаясь в длинной зеркальной витрине, и парень всякий раз резко поворачивал голову, глядя то на дорогу, то на ее отражение. Может, он был и не в себе. Может, это было опасно — вот так гулять с ним по ночной улице. Сейчас меня больше интересовало, в каком из совершенно одинаковых высотных домов по обе стороны улицы живет Марта. Кажется, номер был нечетный. Хотя черт его знает. Надо будет посмотреть в обоих — этаж и квартиру я помнила точно. И все-таки избавиться от моего экзотического спутника — уж его появления в своей квартире среди ночи Марта точно не поймет.

Мы вошли в подъезд, шаги стали гулками. Я остановилась и повернулась к парню.

Он заговорил первым.

— Я даже не знаю, как... я подвергал вашу жизнь опасности, как последний... Я, наверное, должен все объяснить. Меня зовут Грегори, Грег...

Что-что, а знакомиться с ним я не собиралась.

— Не стоит, — оборвала я его довольно резко. — Надеюсь, у вас все будет нормально. Просто я сейчас иду не домой, и...

К счастью, он понял. Кивнув, пробормотал что-то неразборчивое и отступил к дверям

подъезда, но не вышел, а, остановившись, пытался разглядеть что-то в щель между дверными створками. Меня он больше не интересовал.

Я поднялась на третий этаж. Лестничная площадка в этом доме была необычной планировки — полукруглая, как солнышко на детских рисунках, двери расходились от нее широкими лучами, не то пять, не то шесть, — почему-то было трудно определить их количество на глаз, не пересчитывая. Я подошла ко второй слева двери — вторая слева, без вариантов, — и несколько раз нажала на кнопку звонка. Никто не отвечал, и после паузы я позвонила еще — безрезультатно. Марты не было дома или же я ошиблась зданием... нет, Марты не было дома. Эта рубиновая пуговка звонка, я ее хорошо помнила, потому что...

И стало больно, страшно больно, ведь и у него тоже была такая пуговка на двери, и я вспомнила — а по жесточайшему договору с собой я не имела права вспоминать... Взять себя в руки, думать о чем-то другом, о ком-то другом, о том же спортсмене с черноволосыми руками... это хотя бы романтично... это хотя бы глупо...

Оказывается, открылась первая справа дверь, — а я и не заметила, и пожилого человека, который вышел на площадку, я в упор не узнавала — даже, когда он поздоровался со мной как со знакомой, даже, когда пригласил войти, даже, когда

я согласилась...

Глава III

Ночная лампа светила мягким тусклым бледно-желтым светом — но он все равно набросил сверху клетчатое покрывало. Слишком устали глаза. И вообще, он слишком устал от света.

Зрение уже не корректировалось ни толстыми очками, ни новыми немецкими линзами, — и припаять микроконтакты он поручил студенту-радейщику с четвертого этажа. Может быть, поэтому не получилось. Хотя что там, он точно знал, что не поэтому.

Он уже лет десять как привык думать о себе в прошедшем времени. Я жил в предместье, я был женат, я работал в Сент-Клэрском университете, имел докторскую степень... Я любил, я предпочитал, я терпеть не мог... Все его желания безнадежно гнездились в прошлом. Вот почему.

Придется испытать на ком-нибудь другом. Достойное занятие старого ученого-маньяка: эксперименты на живых людях. Ни с кем не согласованные, абсолютно противозаконные. Да и над кем? Круг его общения давно укладывался в число пальцев одной руки. Разве что этот студент с четвертого этажа, худенький мальчик в очках и с неизменно никаким выражением лица — бывают ли

у него сильные желания?

Лиловые старческие пальцы осторожно пощупали отведенный до предела рубильник под полукруглой шкалой с мертвой стрелкой на нуле. Может, все-таки студент неправильно припаял контакты. Или он сам допустил какую-нибудь чисто техническую ошибку... вряд ли. С тридцати лет он представлял себе устройство машины настолько точно, что мог воспроизвести его чертеж прутиком на песке с завязанными глазами. Тридцать лет... Тогда было достаточно и желаний, и песка, и прутьев. Но не было четырех стокаратовых бриллиантов, километров золотой проволоки, немецкой оптики и швейцарских микродеталей, изолированного помещения, ориентированного на магнитный полюс, не было ни денег, ни разрешения университета на эксперименты. Попросту не было времени. Время расходилось тогда по секундам: он читал лекции на шести потоках, писал статьи, вел тему на кафедре, которой позже стал заведовать, подрабатывал репетиторством... И была Розалия, которая не мыслила воскресенья без оперы и лета без морского побережья, и еще мог бы быть сын... Черт, опять это прошедшее время, нереализованное и невозвратимое... Если бы он создал тогда эту машину, она тоже принадлежала бы теперь прошлому. Открыл, изобрел, прославился... а

стрелка осталась бы неподвижной. И это все.

Крах, полный крах. Если он ошибся в расчетах, если идея была изначально ложной — бескрылая химера, питавшаяся его кровью все эти годы. И крах — если он оказался прав, прав во всем. Тогда — еще страшнее, еще мучительнее. Потому что — к черту самоаналитические обманы, меняющие местами причину и следствие, — есть то, что сейчас гораздо важнее итога всей его научной жизни, ведь оно единственное придало смысл жизни человеческой. И если даже это неспособно шевельнуть стрелку на шкале...

Крах, совершенный, последний крах.

Сентябрь, год назад. Университету исполнялось сто лет, и на грандиозные празднества пригласили всех, кто когда-либо там работал, — а он ушел на покой каких-то шесть лет назад, его еще хорошо помнили. На кафедре два молоденьких лаборанта сыграли на геликоне и тарелках туш, а его преемница на руководящем посту произнесла прочувствованную речь, увенчанную вручением огромного букета цветов и маленькой статуэтки Майкла Фарадея. Потом был фуршет, миниатюрные бутерброды с красной и черной икрой лежали в шахматном порядке, из каждого торчал флажок с университетской эмблемой. Черт, самые ничтожные, никчемные подробности отпечатались в памяти так же неизгладимо, как и то, что

действительно ни за что нельзя было забыть...

Он держал в левой руке бокал с белым вином и провозглашал тост за любовь, за науку, за любовь к науке и науку любви... как это было пошло, как нелепо. Он стоял спиной к дверям, он не сразу обернулся, когда она вошла. А она заглянула лишь на минутку, она искала какого-то преподавателя с кафедры. Увидев накрытый стол, извинилась и тут же ушла, он даже не успел пригласить ее войти. Но он успел увидеть ее.

С Розалией, его покойной женой, они когда-то учились в одной академгруппе. Он знал ее почти три года, прежде чем на одной из загородных студенческих вечеринок их отношения неожиданно выпрыгнули за рамки дружеских. Через четыре месяца они — оба неверующие — венчались в псевдоготическом соборе с фресками и органом. Розалия всегда была капризным существом, с этим он смирился априори. Университет она бросила сразу же после свадьбы, посвятив себя карьере мужа, а его — исполнению своих желаний. Розалия была красива, потом стильна, потом элегантна. За всю жизнь он изменил ей один раз, на выездной конференции, со случайной женщиной, которую после больше не видел. Розалия никогда об этом не узнала. Она умерла в пятьдесят три года от воспаления легких, и мир не перевернулся. Он перевернулся сейчас.

Его коллеги, университетские профессора, с легкостью крутили романы со студентками — для него же это всегда было дикостью, недостойной даже презрения, оставаясь таковой и после смерти Розалии. И его передергивало при мысли, что именно такой пошлой, низменной интрижкой могла бы выглядеть со стороны его великая любовь.

...Она даже не переступила порога, даже не открыла полностью дверь — из приотворенного проема брызнул свет, и это была она, яркая, сияющая. Тонкая, как сфокусированный линзой луч, светлая, чистая. Великолепные, нечеловеческие глаза, а волосы она тогда гладко зачесала, и лишь потом он узнал, какие у нее роскошные волосы... Потом он узнал о ней все, что сумел. Потом началось, как только она закрыла дверь, уничтожила ослепительный узкий просвет, растворилась, исчезла. Все почему-то звонко застучали бокалами с одобрительными возгласами, предназначенными, как ни странно, его тосту... тому нелепому тосту, произнесенному вечность назад. И пришлось выпить с ними, вино обожгло стиснутое горло, но зато после этого он смог говорить и спросил у молодого веснушчатого ассистента:

— Кто это?

— Да? — тот, пережевывая икру, с недоумением повернулся к нему. Между

произнесением старым профессором тоста и звоном бокалов ничего не произошло, между этими двумя действиями никогда ничего не происходит. А впрочем, профессор мог заинтересоваться кем угодно, но откуда ж ему, ассистенту, знать, кем именно?

Парень улыбнулся и вежливо спросил несусветную глупость:

— Кого вы имеете в виду?

Захотелось его ударить. Или, резко рванув скатерть, смести все со стола, или раздавить стеклянный бокал в руке... Он объяснил медленно и подробно, словно диктовал завещание:

— Я спросил, не знаете ли вы, кто та девушка, которая только что сюда заглядывала?

Ассистент пожал плечами.

— Студентка. То ли третий курс, то ли четвертый...

В воздухе пахло духами. Не ее.

Он начал появляться в университете каждый день. Он смотрел, как она входит в широкие стеклянные двери, как взбегает по лестнице, как бросает взгляд на большие настенные часы, опаздывая на лекцию. Как болтает с подружками, как смеется, как расчесывает длинные волосы, как закрывает глаза, подставляя лицо солнцу на скамейке перед университетом.

Ее звали Инга — имя для рослой блондинки, а

она была хрупкая, темноволосая, смуглая — и все равно очень светлая, сияющая. Она носила белое и кремовое, и глаза у нее были светлые и яркие, сверкающие изнутри золотыми искрами. Она приехала из далекой провинции, с юга, снимала квартиру на троих с подружками, весело покоряла столицу и, конечно же, она была влюблена.

Его профессор видел один раз — высокого, красивого, видного, но темного и тусклого рядом с ней. Недостойного. А впрочем, никто не был бы достоин ее, в том числе он сам, более других он сам, и он это прекрасно понимал.

Он несколько раз здоровался с ней, встречаясь в вестибюле, и она отвечала не глядя, скороговоркой — дежурное приветствие незнакомому преподавателю. А он с изумлением обнаруживал, что даже этого ему вполне достаточно, чтобы несколько ближайших дней быть абсолютно счастливым.

Один раз он заплатил за нее в университетском буфете.

У стойки образовалась небольшая очередь, и позади стояла Инга в светло-бежевом костюме, с высокой прической, строгая и сосредоточенная. Он подошел неслышно и тихо встал за ней, почему-то не решаясь поздороваться. Инга стояла влоборота, чуть сощурившись, она рассматривала прейскурант, а сзади на шее у нее вились маленькие

волоски, не поместившиеся в прическу, совсем светлые, золотистые.

Она заказала апельсиновый сок и два коржика. Она раскрыла сумочку, узкая рука нырнула внутрь и задержалась там чуть дольше, чем нужно, а затем выложила прямо на стойку расческу, калькулятор, зеркальце...

— Черт возьми!

Отдать все, что угодно, — за то, чтобы она никогда не говорила «черт возьми», никогда не сводила на переносице брови, ища деньги в маленькой сумочке, никогда, никогда...

Он бросил на стойку крупную купюру, пробормотав что-то нечленораздельное, и стремительно зашагал прочь — бегство, и никак иначе. Он слышал за спиной голоса — продавщицы: «за вас заплатили, возьмите же сдачу» — и Инги: «нет, подождите, я сейчас найду!»

Она догнала его в дверях буфета, ее сумочка была раскрыта, и он точно знал, что на стойке остался не только сок с коржиками, но и расческа, и зеркальце, и калькулятор...

— Зачем вы это сделали?

Потому что я люблю вас.

Потому что я сумасшедший старик.

Потому что ни на что большее меня не хватило.

Он усмехнулся порочной улыбкой

никчемного развратника и отвратительно-приторным голосом проямлил:

— У меня есть вредная привычка время от времени платить за хорошеньких девушек.

Несколько секунд она смотрела на него в упор, а потом вдруг просто сказала:

— Спасибо, — и пошла в буфет есть свои коржики и думать о чем угодно, но не о нем, ни секунды о нем.

Год назад. Да он и не мечтал тогда, что она будет думать, знать, помнить о его существовании. Он даже не пытался больше с ней заговорить. Только смотрел. Был счастлив, когда видел ее каждый день, мучительно переживал, когда она пропускала занятия... а она пропускала их все чаще, и наступила зима, и однажды, стоя в морозную слякоть на ступеньках университета, он вдруг совершенно точно осознал, что она сюда больше не придет. Никогда.

Он разыскивал ее отчаянно, ввергнув в недоумение и своих бывших коллег, и бывших однокурсников Инги. Инги, которая вдруг исчезла, исчезла совсем. Он узнал, что она жива, — и только. Ни одного настоящего адреса, ни одной старой подруги, ни даже этого тусклого красивого парня... Ничего. Может быть, она даже поменяла имя.

Он попытался жить без нее. Жить дальше.

Убедить себя, что это далеко не худший, а может, и самый достойный финал его странной истории. В конце концов, у нее в принципе не было будущего. Она могла выродиться либо в пошлую интрижку, либо в нелепую манию, и в обоих случаях он стал бы старым посмешищем, а Инга... Хорошо, что она так ничего и не узнала, что успела исчезнуть, раствориться в другой жизни, прежде чем он сознательно или невольно взвалил на нее этот груз. Хотя, может, для нее это и не было бы тяжестью — слишком незначительно, достаточно легковесно. Что он, собственно, знал о ней, о ее представлениях о жизни, о самой ее жизни — случилось же что-то, заставившее юную девушку все изменить, от всего отказаться. Может, она была по-настоящему несчастна... А он просто никчемный, самозацикленный эгоист.

Была зима, влажная промозглая зима, и он заболел. Воспаление легких, как тогда у Розалии. Как это было бы логично, как естественно. Закончилась длинная, не такая уж плохая жизнь, в которой, в сущности, все было. Прошедшее время. Если раньше он употреблял его с долей театральности, теперь оно совершенно нормально легло на сознание, расставив события и вещи по местам. Все у него было. И даже любовь.

Восторженный отчет докторов о неизмеримых возможностях своего могучего организма он

воспринял как шутку дурного тона. Этой жизни, черт возьми, просто некуда было продолжаться. Что ж, он попытался подойти к этому как к ребусу — целыми днями, глядя в потолок, выискивал в пустом лабиринте ниточку, за которую можно было бы ухватиться.

И нашел.

Машина.

Хотя сама по себе машина тоже ничего не значила.

...Он резко щелкнул рубильником — туда-сюда, — так женщины пытаются вернуть к жизни сломавшийся телевизор. Естественно, не произошло абсолютно ничего.

Поздняя ночь. Надо ложиться спать, а утром как-нибудь постараться не проснуться. Только ведь не выйдет, и первой утренней мыслью будет: крах, полный крах... А впрочем, можно с утра перепаять контакты — тоже отсрочка, заведомо искусственная, но отдаляющая конец...

Она, наверное, еще не легла. Молодые поздно ложатся. Может быть, она сейчас принимает ванну — пенится шампунь, с шумом стекают струи, и она негромко напевает... а из спальни доносится чуть раздраженный голос тусклого красавца: «Инга, ты скоро?»

И вдруг мертвая стрелка резко рванулась вверх, прыгнула на середину шкалы и заплясала

там в неимоверно-быстром ритме, колеблясь между соседними делениями.

Он дернулся, как в электрошоке, но почему-то сразу не встал, он смотрел на дрожащую стрелку — не упустить момент, дождаться, пока она остановится! — но это же совсем не имеет значения, боже мой, совсем не имеет... кошмар, наваждение... Словно избавляясь от гипноза, он медленно отвел глаза в сторону — и, вскочив, ринулся туда, где...

На лестничную площадку.

И сначала он увидел — четко, будто вернулась острота зрения, — руку, одну только руку в светлой облегающей перчатке, поверх которой на среднем пальце серебрилось тоненькое колечко. А указательным она нажимала на кнопку звонка, круглую рубиновую пуговку, которая находилась, может быть, в сотнях километров отсюда, — и которая была здесь, в десяти шагах...

Она ритмично нажимала на кнопку, не получала ответа — и хмурилась, сводя брови на переносице точно так же, как тогда в буфете... Где бы это ни происходило, — она была одна, совсем одна, поздней ночью на лестничной площадке.

Он сделал несколько шагов вперед.

— Простите, мисс... Инга? Добрый вечер. Я вижу, что вы... я хотел бы, если вы, конечно, не против, пригласить вас войти...

Я не узнавала его, в упор не узнавала и не помнила, — но Марты уже точно не было дома, идти мне было абсолютно некуда, а этот сосед даже знал мое имя... Я более или менее ослепительно улыбнулась, кивнула и ответила:

— Спасибо.

Глава IV

В его квартире было гораздо темнее, чем на лестничной площадке. Я споткнулась на пороге — на правую, к несчастью, — и задела головой китайский колокольчик. Раздался тоненький печальный звон, и в тот же момент сосед Марты щелкнул выключателем.

Свет разгорался медленно, постепенно, это была люминисцентная лампа, очень слабая, так что я даже не сощурилась, — но хозяин прикрыл ладонью свои квадратные очки с толстыми стеклами. Собственно, выглядел он вполне добропорядочно. Маленький интеллигентный старичок, типичный университетский профессор на пенсии. Да, если я и видела его где-то раньше, так только в Сент-Клэре. То есть вечность назад, то есть в предыдущей жизни, когда... стоп. Я уже чуть было не довела себя до истерики на лестничной площадке.

Он отвел руку от часто мигающих за очками

глаз, пытаюсь сфокусировать на мне взгляд, он ничего не говорил, и это молчание становилось напряженным. Не люблю.

— Вы не знаете, Марта надолго уехала? — я напоролась на непонимающее выражение его лица и переспросила, — Марта, ваша соседка?

Он ответил после паузы, и было совершенно очевидно, что имя Марты он слышит впервые.

— Я как-то не поинтересовался, в последнее время я редко общаюсь с соседями. Проходите в комнату, мисс Инга, сейчас я приготовлю вам чаю...

Представляться он и не думал — значит, я, по идее, тоже должна была его знать. Зловещие провалы в памяти, поздравляю. А впрочем, весь последний год я только и делала, что старалась забыть, — так почему бы и не добиться в этом хоть каких-то успехов?

Я оставила на его руках свое светло-кофейное пальто и вошла в гостиную... хотя нет, комнатка была совсем маленькая и со всех сторон замурованная корешками книг — то ли кабинет, то ли библиотека. Тусклый свет единственной настольной лампы едва пробивался сквозь тяжелые складки клетчатого покрывала. Старичок протянул руку к рычажку большой, тускло поблескивающей подвесками люстры — но я, из уважения к его светобоязни, запротестовала, и он ушел на кухню

готовить чай.

Здесь было хорошо. То есть, нормального человека в нормальной ситуации такая обстановка в восторг бы не привела: эти книги, все до одной с золотым обрезом, сужающие пространство, приплюснутое сверху тяжелой люстрой, две этажерки — тоже с книгами, круглый столик, похожий на туалетный, даже не застеленный скатертью, — на нем нелепо торчал какой-то прибор с дрожащей стрелкой. И еще занавески — непроницаемые, словно ставни, железный занавес от внешнего мира. Вот, пожалуй, из-за них тут и было так хорошо. Абсолютно внутренний мирок, маленький, тихий.

Я села в мягкое кресло перед этим самым столиком и, не удержавшись, потрогала пальцем выпуклое стекло, за которым еле заметно трепыхалась тоненькая стрелка. Еще тут был квадратный пульт, очень простой: четыре лампочки, две кнопки и рубильник, похожий на выключатель настольной лампы. Рядом с ним лежало несколько книг — одну из них я раскрыла посередине и тут же захлопнула, краем глаза скользнув по длинному, на весь разворот, пестрому ряду формул. Хватит, в Сент-Клэре я уже как-то выбрала семестровый курс физики и жалела потом об этом. Между прочим, экзамен я тогда так и не сдала, и Странтона так и не купила, этот жуткий

учебник с оранжевой обложкой... Впрочем, Странтона мне обещала Энн, она учила физику годом раньше, она же, кстати, меня на это и подбила. Я положила книгу обратно на столик. Так забавно — думать сейчас о физике, об этом несчастном Сент-Клэре, принадлежащем далекому прошлому, — словно я несколько часов назад не бросила любовника, словно не стояла только что на лестничной площадке, не представляя, где буду ночевать. Как будто за окном не холодная октябрьская ночь, как будто я уже придумала, что делать дальше. А все потому, что здесь такие спокойные и монолитные занавески. И не горит люстра.

Все-таки было темновато, и я откинула с настольной лампы край клетчатого пледа. Хорошо хоть, не задела прибор со стрелкой — потому что книги так и посыпались на пол. Те, кто говорит, что я безопасна только со связанными руками, абсолютно правы. Одна из книг раскрылась на форзаце: и, надо же, с портрета автора смотрел сосед Марты — помоложе, конечно, даже еще без очков. И автограф чуть ниже: проф. Ричард Странтон. Вот так-то.

Собирая книги, я прикинула, откуда он может меня знать. Дело в том, что он ушел на пенсию гораздо раньше, чем я поступила, и был представлен в университете благоговейными

воспоминаниями, оранжевым учебником и портретом в боковом холле. То есть, по-настоящему, узнать его должна была я... если бы все это происходило не так давно.

Я аккуратно сложила книги стопочкой на столе, и тут распахнулась дверь. Профессор тяжело переводил дыхание, словно, узнав что-то ужасное, бежал сюда без остановки несколько километров.

— Вы... с вами ничего не случилось, мисс Инга?

Я улыбнулась, мысленно давая себе слово пальцем ни до чего больше не дотрагиваться.

— Нет-нет, все хорошо. Упала книга, простите, профессор.

Он сдавленно улыбнулся — будто извиняясь за свой испуг и прерывистое дыхание.

— Сейчас я принесу чай.

И он ушел усталой шаркающей походкой, пытаясь, впрочем, сделать ее стремительной, — мне так показалось. Сам Ричард Странтон — интересно. Почему Марта никогда не говорила, что живет с ним на одной лестничной площадке?

Я осмотрелась по сторонам, то есть по книгам. Нет, собрания сочинений профессор Странтон еще не выпустил. А может, не держал из скромности, или чтобы не занимать места, отведенного прочим гениям мировой физики. На первый взгляд библиотека казалась совершенно

специализированной — ученые труды и ничего кроме. Только на второй сверху полке в левом углу — тоненькая книжка с гладким корешком между золочеными томами, и мне до смерти захотелось узнать, какая. Оглянувшись в сторону полуоткрытой двери, я встала, приставила к стенке маленькую скамеечку для ног, потянулась на цыпочках вверх и, двумя пальцами подцепив нижний край книжки, выдвинула ее на несколько сантиметров наружу.

Петрарка. «Сонеты к Лауре».

— Вот чай, мисс Инга.

Я вздрогнула и чуть не потеряла равновесие. Показалось, что сейчас книги камнепадом покатаются на пол — конечно, одна клялась ничего не трогать! Но на этот раз обошлось — только Петрарка остался косо торчащим из стены, с головой изобличая мое неприличное любопытство. Профессор смотрел на меня как-то растерянно, в его руках мелко подрагивали на подносе две китайские чашки.

— Возьмите почитать, если хотите, мисс Инга, — серьезно сказал он. — Вам понравится. Этот человек был способен на великую любовь.

— Спасибо, — ответила я. Кстати, очень удобное слово, не обязывающее ни к чему, а тем более читать Петрарку. Профессор поставил чашки на столик, и я снова села в кресло.

Чай у него был потрясающий, такой пьют в летнюю жару ради вкуса, а не только согреваются вечером вроде сегодняшнего. Профессор, отпивая глоток, чуть прикрыл глаза — и все равно он смотрел на меня в упор, не отводя взгляда. Не то чтобы неприятно — но какое-то напряжение это создавало. Интересно, он уже догадался, что я сегодня у него ночью?

— Мисс Инга, — заговорил профессор. Он слишком часто употреблял мое имя, которое я никогда не любила. — Где вы сейчас? То есть, я имел в виду, я хотел спросить, чем вы занимаетесь?

— Работаю в супермаркете, — ответила я. — Продавщицей.

Сообщая этот факт, я почему-то всегда вздергиваю подбородок и сверху вниз оглядываю собеседника — попробуй-ка усомниться, что работа продавщицы супермаркета высокоинтеллектуальна, респектабельна и престижна. Это происходит абсолютно помимо меня, честное слово.

Мне показалось, что профессор как-то внутренне съежился и еще сильнее сфокусировал на мне взгляд — если так вообще бывает. Протер очки, снова надел их, отпил большой глоток чаю и только потом спросил:

— А университет? Почему вы оставили университет, мисс Инга?

Я улыбнулась и пожала плечами — а что,

вопрос как вопрос, никаких ассоциаций и воспоминаний он у меня не вызывает. Тысячи девушек бросают университеты и повыше рангом, чем наш захудалый Сент-Клэр, никаких особенных причин для этого не нужно.

— Так... поняла, что ученой дамы из меня не выйдет, — сказала я и добавила экспромтом не слишком добрую остроту: — Поняла, когда попыталась читать вашу книгу, профессор.

— Какую?

Он спросил совершенно серьезно, даже с испугом, он чуть ли не давал себе клятву никогда больше не писать книг, настолько фатально влияющих на судьбы юных девушек, — и мне стало стыдно, тем более что шутка действительно вышла так себе. Я уже решила извиниться перед ним, как вдруг раздался резкий щелчок.

Мои руки. Мои руки нельзя оставлять без присмотра — особенно когда я с милой улыбкой отвечаю на вопросы, от которых неплохо бы закричать.

Мои руки непроизвольно щелкнули рубильником на маленьком квадратном пульте.

Профессор стремительно рванулся вперед и намертво вцепился в мое запястье — так не хватают за руку преступника, так пытаются удержать падающего в пропасть. Я судорожно вернула рубильник в начальную позицию — может, не

стоило, я же ничего не знала о действии этого прибора. Стрелка, упавшая было к нулю, прыгнула к самому концу полукруглой шкалы, потом подскочила до середины и заметалась из стороны в сторону, постепенно уменьшая амплитуду колебания. Почему-то с большим трудом я оторвала взгляд от этой стрелки и перевела его на лицо профессора.

Белое, с мертвым оттенком пепла. Каменно-искаженное, на моих глазах оно начало медленно оживать. Он прикрыл глаза — так, словно уронил на землю огромную тяжесть. Его губы шевельнулись совершенно беззвучно, но очень выразительно, я все поняла: «Здесь, со мной...»

Я встала, потирая до сих пор словно стиснутое браслетом запястье. Почему-то комната перестала быть защищенной и уютной.

— Профессор, я посмотрю, может быть, моя подруга вернулась. Уже поздно, и мне не хотелось бы...

— Инга!!!

Он вскочил и чуть было снова не схватил меня — в незаконченном движении его рука упала вниз.

— Мисс Инга, я прошу вас, останьтесь. У меня есть совершенно свободная комната, вам будет удобно, уже действительно очень поздно, я вас прошу...

Я б не очень удивилась, если бы он встал на колени — этот умоляющий голос, исходящий от старика, от ученого, профессора... Дико, нелепо, так жалко и в то же время жутковато...

— Я не хотела бы вас стеснять, я только выйду на лестничную площадку, и если... Большое спасибо за чай, профессор.

Я поспешно прошла в прихожую, сняла с вешалки свое пальто, но надевать не стала, просто перекинула через руку. Хоть бы Марта действительно вернулась...

Около дверей я остановилась — не открывать же чужой замок — и посмотрела на профессора. Я успела уловить кусочек движения его губ, замершего, не превратившись в слова. С мертво-бесстрастным, будто у какого-то древнего стража, лицом профессор поднял руку и щелкнул замком. Дверь открылась.

Дверь открылась, и я шагнула вперед, и я замерла, и я метнулась назад — потому что там, на лестничной площадке...

Потому что одновременно отворилась еще одна дверь — а он был босиком, и в руке у него было ведро, и он не сразу поднял голову, лишь через четверть секунды — и четверть секунды только я смотрела на него: подбородок, губы, ресницы... глаза! Его глаза черкнули о мои — даже не взгляд, одна искра, и все. Его больше не было на

лестничной площадке, а может, это меня уже не было там, я же метнулась обратно, я упала в ложно-спасительное тепло прихожей, мягкой, защищенной, закрытой. И профессор шагнул мне навстречу, а потом я уже не делала ничего — это он обнял меня за плечи, отвел в комнату с лампой, креслом и непроницаемыми занавесками, поднес к моим губам чашку горячего чая. Я обожглась — и заговорила.

О том, как шел дождь, а если бы не шел, — мы бы не встретились, и если бы я с утра дозвонилась до подруги, и если бы не отменили мой любимый фильм, и если бы не кончился сахар... И как потом я просыпалась под утро, вскрикивая в отзвуке кошмара: чего-то из этого не произошло, порвалась хрупкая цепочка случайностей, мы не встретились... не встретились! — но он спал рядом, такой настоящий, мой. И его ресницы, золотистые полумесяцы — когда я долго смотрела на них, они вздрагивали изнутри, и я стремительно, молнией отводила глаза... И как... нет, нет, это все не то, не было никаких идиллических картинок и нет смысла их рисовать, — просто, когда он опаздывал на десять минут, я была уверена, что он умер, погиб, случилось что-то непоправимое, страшное... А потом настала осень, и на улице на его щеках выступали красные пятна, и он уже не был моим, и я это знала, — и все делала неправильно, все равно

вела себя так, словно он меня любит... И как он наконец ушел, а все остальное осталось на своих местах, и в том числе я, такая гордая и спокойная, я даже радовалась своей олимпийской выдержке... А на следующий день пошла в магазин, как ходят все люди, — только я не могла найти дорогу домой, накручивая сумасшедшие круги по знакомым улицам, и на ногах у меня были домашние тапочки, а сумку с покупками я оставила под прилавком... И вот тут мне стало страшно, как никогда в жизни, и надо было бежать, я четко осознала это, бежать, ни в коем случае не оглядываясь назад. И как, собрав всю себя в маленький, до боли стиснутый кулачок, я в тот же день сняла квартиру на другом конце города, а через неделю, выиграв конкурс, устроилась продавщицей в супермаркет — мне везло, фантастически везло во всем, что ни сном ни духом не было связано с моей прошлой жизнью. И как все действительно наладилось, и наступила весна, и я, к восторгу новых подружек, завела себе мужчину. Спортсмена, не хуже и не лучше, чем все другие. Я встречалась с ним по субботам, потом мы стали жить вместе, и со стороны все это выглядело совсем как настоящее, а я уже привыкла смотреть на собственную жизнь со стороны... И как сегодня я все-таки ушла от него, и вот уже не помню его лица, зачем, черт возьми, мне его лицо, зачем мне вообще чьи-то лица, если только что на лестничной

площадке...

Что мне теперь делать? Он ничего не сказал, но он же видел меня, видел! — почему он ничего не сказал?! Прошу вас, посоветуйте мне, вот если бы это были вы, а женщина, которую... но он же не любит меня, значит, ему все равно, так почему же?... И что мне теперь делать?!

Я вскочила с кресла — резко, как отпущенная пружина, — и услышала тонкую, запредельную, надвигающуюся музыку, в такт которой перед глазами закружились металлические червячки, а лампа совсем не давала света... Вокруг оказалось очень много людей, — наверное, оркестр, — музыка оглушительно била по барабанным перепонкам...

...Я лежала на полу, изогнувшись между креслом и столиком, в висках пересыпался песок, а перед глазами медленно расходилась мгла — конечно, я хлопнулась в обморок, со мной бывает. Попыталась подняться на локте, но прямо надо мной нависало лицо профессора, искаженное какой-то странной гримасой, с таким выражением не откачивают потерявших сознание, а скорее... Моя блузка была растегнута, и прямо на груди лежали его сухие, как наждак, холодные руки.

И вдруг я вспомнила. Сент-Клэр, буфет, апельсиновый сок — и ненормальный старикашка, с пошлой ухмылочкой заплативший за меня деньги,

которые было бесполезно пытаться вернуть. Конечно же, это он, то и дело попадавшийся мне на университетской лестнице, косясь на меня своими слезящимися развратными глазами. Профессор. Ричард Странтон.

Его ледяные пальцы шевелились, и лицо вдруг стало надвигаться на меня, я увидела совсем близко, как его беловатый язык быстро облизал фиолетовые губы...

Я рванулась вверх, обеими руками судорожно оттолкнув его от себя, сама покачнувшись от этого движения, в глазах снова потемнело, я на секунду прислонилась виском к дверному косяку — и ринулась в прихожую, потом на лестничную площадку, прочь, прочь...

Эта дверь прямо посередине, такая знакомая, синяя с золотыми гвоздиками и тонкой проволокой крест-накрест. И яркий рубин электрического звонка — но я не вполне владела дрожащими пальцами, я просто отчаянно застучала кулаками в эту мягкую дверь.

— Открой!!! Слышишь?!

Глава V

Сноп света ударил в упор, раздробившись на толстом узорном стекле — и погас одновременно с утихшим шумом мотора. Машина припарковалась у

самого подъезда, и Грег услышал щелчок открываемой дверцы — услышал, уже стремительно взбегая вверх по лестнице.

Он, конечно, понимал, что это могли быть и не они. Даже скорее всего не они, мало ли машин паркуется у подъездов жилых домов, а разглядеть в темноте через рифленое стекло очертания автомобиля было невозможно. Нет, не они, — ведь на автобусной остановке их не было, и никто не следил за ним, когда вместе с той девушкой он прошел два квартала от остановки до подъезда. Откуда им было знать, в какую сторону он пошел, в какой дом, в какой подъезд? На девяносто девять процентов — не они...

Внизу длинным натужным звуком скрипнула дверь — и Грег, он был уже на третьем этаже, — бросился к двери, первой попавшейся, крайней справа, изо всех сил затарабанил обоими кулаками. Дверь молчала — а внизу уже слышались шаги, и мужской голос спросил что-то, превратившееся в неясный гул, а другой голос, тоже мужской, ответил, и, может быть, это все-таки...

Замок, наконец, щелкнул, и Грег навалился на дверь раньше, чем она открылась, и, очутившись внутри, потерял равновесие и рухнул на колени, сминая в гармошку длинный ворсистый коврик в прихожей. Поднявшись на ноги, Грег сначала нагнулся и поправил эту дорожку, аккуратно

разгладив ее по углам, — и только потом поднял глаза на хозяина квартиры.

— Я... здравствуйте.

Невысокий старый человек смотрел на него совершенно спокойно и равнодушно, в его глазах, совсем маленьких и далеких за толстыми стеклами очков, не вспыхнуло ни возмущения, ни испуга, ни даже малейшего интереса к ворвавшемуся в его квартиру грязному оборванному бродяге. Грег сглотнул, опустил глаза и еще раз поправил носком ботинка уголок ковровой дорожки. Хозяин должен был спросить: что вы здесь делаете? Или хотя бы: кто вы?

Но он сказал:

— Ванная налево, молодой человек.

...На дне ванны овальной лужицей остался черный осадок, и Грег еще раз прошелся по ней струей холодного душа. Царапины на лице и руках саднило, он отыскал на полке одеколон и, морщась, протер их. Одежда и обувь лежали в углу бесформенной кучей, к которой не хотелось даже прикасаться. Хотелось проникнуться чувством, что эта грязная груда вообще не имеет к нему никакого отношения — в теплом пару уютной ванной это удалось без особых усилий. Грег пожал плечами, накинул махровый полосатый халат, едва доходивший ему до колен, и протер ладонью запотевшее зеркало. Оттуда смотрела

исцарапанная, но вполне человеческая, умиротворенная, раскрасневшаяся физиономия, и он даже усмехнулся. Нервное напряжение спало совершенно, весь этот дикий ужас со стрельбой и погоней казался абсолютно нереальным.

Но, тем не менее, сейчас он находился в чужой квартире — поздно ночью, без документов и денег, даже без одежды в приличном состоянии. Хозяин, так любезно спровадивший его в ванную, очень даже мог сейчас звонить в полицию или уже открывать им дверь. Что было бы с его стороны вполне логично, так что этот вариант стоило как следует продумать. Грег приоткрыл дверь, впуская из коридора прохладный воздух. В настоящую его историю полицейские в жизни не поверят. Надо сочинить что-нибудь простенькое, совершенно не содержащее криминала, бессмысленное и вместе с тем правдоподобное — вроде потрясающего экспромта той девушки в автобусе. Она сейчас, кстати, где-то совсем недалеко, она не вызывала лифт, а пешком люди обычно не ходят выше третьего этажа. Может, она даже в соседней квартире... он мельком взглянул в зеркало и рассмеялся в лицо своему озабоченному отражению. Здоровый мужик всерьез обдумывает возможность позвать на помощь хрупкую девушку... вот уж действительно весело. Он еще раз плеснул на щеки чуть ли не пригоршню

одеколону и вышел из ванной. С полицией или с кем бы то ни было лучше всего общаться так же, как и она — экспромтом.

В коридоре никого не было. Казалось, что никого нет и во всей квартире — тишина стояла полная, спокойная, абсолютная. За приоткрытой дверью напротив еле светилась тусклая лампа — когда Грег вошел, эта комната тоже показалась ему пустой. Он обвел взглядом бесконечные ряды книг от потолка до пола, потом повернулся — и увидел хозяина.

Старый человек сидел в кресле, уронив безжизненно-расслабленные руки на колени, опустив голову и веки. Грег нерешительно остановился посреди комнаты: заговорить с ним?... а может, он спит? Старик сидел совершенно неподвижно, и Грег даже вздрогнул, услышав неожиданный ровно-бесстрастный голос:

— Вот приблизительно так все и кончается. Садитесь, молодой человек.

Сам он не пошевелился, даже глаза за стеклами очков казались закрытыми. Грег неловко придвинул к столику табурет и сел, чуть не задев локтем неустойчивую стопку книг на краешке клетчатого пледа. Пора было как-то объясняться.

— Меня зовут Грегори, — сбивчиво начал он. — Все это так глупо... вы, наверное, думаете, что я какой-нибудь грабитель или... Но, честное

слово...

— Ричард Странтон, профессор.

Грег осекся. Этот человек совсем не интересовался целью и причинами, руководившими незнакомцем, который ворвался в его дом. Ему назвали имя — он назвал свое. Все.

— Простите меня, профессор, — все-таки продолжил Грег. — Честное слово, у меня не было другого выхода. Меня хотят убить, я не знаю, кто, не знаю, почему, — то есть, догадываюсь, конечно, но не понимаю. Только не беспокойтесь, я сейчас уйду — он привстал, зацепив уголок пледа, и книги рухнули-таки на пол с грохотом, непомерным для этой тихой комнаты. Пробормотав извинения, Грег стремительно опустился на колени — и услышал сверху все такой же бесцветный и ровный голос профессора:

— Можете остаться. Оставайтесь. Так будет лучше.

Грег поднял голову из-под круглого столика и впервые встретился с хозяином глазами. Совсем маленькие за толстыми стеклами, полуприкрытые сморщенными веками, усталые и пустые. Грег медленно поднялся на ноги, не отрывая взгляда от этих глаз, и вдруг сказал, даже не успев ничего подумать в этом направлении:

— Профессор, если вам что-то нужно... что-то не так, я же вижу... я бы хотел вам помочь...

И Ричард Странтон улыбнулся.

— От меня ушла женщина, — не снимая с лица улыбки, медленно выговорил он. — В другое пространственное измерение. Боюсь, вы мне не поможете, молодой человек.

Грег почувствовал, что нелепо, мальчишески краснеет — но профессор не смотрел на него. Профессор заговорил, и лицо его стало чуть-чуть живым, словно фильм, пущенный со стоп-кадра.

— Машина. Это, наверное, будет вам интересно — в отличие от всего остального. Садитесь, молодой человек. Я изобрел, разработал ее в вашем, наверное, возрасте, — сколько вам лет? Двадцать четыре, двадцать пять? — нет, я, конечно, был постарше. Машина исполнения желаний — это чтобы вам было понятно. Она не исполняет никаких желаний, молодой человек. Может быть, поэтому я и не собрал ее тогда... а впрочем, в молодости всегда есть масса других дел. Вот вы: вы скорее всего ничего не создаете, и это не мешает вашему самоопределению в мире. Не понимаете, о чем я? — естественно, не понимаете. Я о машине. Я физик, и сейчас я сделаю невозможное: попытаюсь объяснить вам все без единого термина. Я хочу, чтобы вы поняли. Чтобы хоть кто-нибудь понял.

Желание. Допустим, оно у вас есть. Настоящее, сильное, сконцентрированное и направленное на конкретного реально

существующего человека. Не пытайтесь вспоминать, такие вещи существуют помимо сознания, иначе они нематериальны и воздействовать на объективную реальность не могут. Но действительно сильное чувство — какое угодно: любовь, ненависть, страх, — материально всегда. И обладает энным запасом энергии, которую преобразует трансформатор, вот этот, маленький, со шкалой. Пульт встроенный, для удобства. Черт возьми, я сделал хорошую машину, компактную, красивую. Жаль только, что она не исполняет желаний.

Она всего лишь совмещает пространства. Тут мне придется трудно без терминологии... Вы знаете, что такое?... — хотя откуда вам. Слушайте предельно упрощенный вариант. Как школьная задачка: из пункта А в пункт Б... вы же учились в школе? В пункте А находитесь вы. В Б — объект вашего желания, настоящего, подчеркиваю, материального. Между А и Б могут быть сотни, тысячи километров, вы не знаете, сколько, вы не знаете направления, вам и не нужно этого знать. Потому что независимо от вас энергия вашего желания смещает пространственные измерения, комкает, свертывает расстояния, какими бы они ни были... и вот они совсем рядом, пункт А и пункт Б. На одной лестничной площадке.

Профессор остановился, перевел дыхание, и

Грег поспешно кивнул вдогонку его словам. Вроде бы все понятно. Он понял бы и более научное объяснение, в конце концов, он учился не только в школе, — и все равно это полная ерунда. Классический вариант спятившего старого ученого — но сумасшедшего блеска в глазах профессора Странтона не было. Только усталость. Усталость и смертельная тоска.

— Хотите знать, что дальше? — спросил он. — Ничего. Вот эта стрелка движется вверх по шкале, а потом в эту комнату входит женщина, без которой вы не можете жить. Садится в это кресло, листает книги, пьет чай, — хотите чаю, молодой человек? Сейчас я согрею... Женщина вас не любит, и никакая машина ничего не смогла бы с этим поделаться. Вы думаете, я не знал об этом заранее? Знал, конечно. Поэтому сейчас я совершенно спокоен. Я никогда не мнил себя создателем машины исполнения желаний.

Грег покосился на небольшой прибор на круглом столике. Не очень-то верилось, что такая штука вообще может как-то работать. Маленькая черная коробка: трансформатор с дрожащей стрелкой и совсем несерьезный встроенный пульт, на котором одна лампочка из четырех горела красным огнем, а другая мигала зеленым. Вечный двигатель нового образца. Машина, легким нажатием кнопки совмещающая пространственные

измерения. И старый человек, ученый, всерьез верящий в эту чепуху.

— Она перегрузила систему, — вдруг снова заговорил профессор. — Случайно перегрузила. А впрочем, если бы она захотела... если бы попросила меня, разве я бы ей не показал? Я и вам покажу, смотрите: вот этот рубильник отвести до упора и снова в исходное положение, чтобы был щелчок, два раза должно щелкнуть, — и уже будет работать энергия вашего желания. Но я... я как-то не думал, что и у нее могут быть сильные, материальные чувства.

Он вдруг резко вскинул голову, шурясь, отыскал глаза Грегa и в упор спросил:

— Вы когда-нибудь бросали женщину?

Грег поспешно и энергично помотал головой. Хотя... пухленькая Китти с соседней улицы плакала и обещала его дожидаться, — а он-то точно знал, что никогда не вернется в родной городишко. Правда, с ней у него ничего и не было, а вот Клэр... с которой он, кстати, даже не попрощался. Черт возьми, даже Элси, компьютерщица, к ней он больше не придет, это ясно, и физически не сможет что-то объяснить... Интересные вопросы задает этот сумасшедший профессор. Грег чуть привстал, поглубже задвинул под себя табурет и неопределенно пожал плечами.

— А я — никогда, — медленно выговорил

профессор. — И я не могу этого понять. Обыденная, каждодневная вещь, я знаю, — но не укладывается в сознании. Он ее бросил — цинично, подло, беззастенчиво, а она... Я пытался отследить образ мыслей человека, бросившего такую женщину. Если бы вы ее увидели... хотя не знаю, может, вам это было бы близко. Я — не могу. Она ведь тогда чуть не сошла с ума, понимаете?! И она... Не подумайте, что я испытываю что-то похожее на ревность, молодой человек. То, что она меня не любит — это нормально, логично, это закон природы, с которым я не собирался бороться. Я сделал так, что мы оказались в одном пространстве — моя машина сделала это, — и ничего больше я не хотел, просто не имел права хотеть. Когда она перегрузила систему... Знаете, у меня ведь не было возможности испытать прибор. Теоретически он должен держать одновременно несколько пространств, аналогично компьютерным окнам, но я не знал, что может случиться на практике. Связи могли оборваться, ее могло выбросить в другое измерение, боже, как я испугался в тот момент! — потерять ее так нелепо, из-за двойного щелчка рубильника... А потом я увидел, что активизировалось еще одно пространственное измерение. Еще одна дверь на лестничной площадке.

— Ее бывшего парня?

В конце концов, было просто невежливо сидеть деревянным идиолом и тупо хлопать глазами, даже не пытаясь поддержать разговор. Но, задав этот ненужный вопрос, Грег тут же прикусил изнутри уголки губ — настолько топорно, глупо и пошло это прозвучало.

Профессор Странтон замолчал, и его лицо стало еще более мертвым, чем тогда, когда Грег только вышел из ванной.

— Вам все это неинтересно, молодой человек, — сухо сказал он. — Уже очень поздно, а у вас, судя по всему, был тяжелый день. Следующая по коридору дверь — спальня, впрочем, она там единственная, вы не заблудитесь. Как раз сегодня я поменял постельное белье. Надеюсь, у вас не возникнет неудобств. Сам я, с вашего разрешения, лягу в кабинете. Спокойной ночи.

Он вышел в коридор, и Грег услышал, как в ванной полилась вода, сначала струей, а потом звук стал дробным — наверное, профессор переключил воду на душ. Коротко лязгнула металлическая защелка.

Квадратный прибор лежал на самом краю столика, зеленая лампочка мигала, красная светилась ровно и тускло. Сильное желание. Материальное чувство, способное запустить эту машинку. Грег положил два пальца на рубильник и

чуть-чуть отвел его в сторону. Не до щелчка. Рубильник плавно вернулся на место, и Грег усмехнулся. Нет, он не мог по-настоящему в это поверить. Но сильное, черт возьми, действительно материальное желание у него было.

Он пожал плечами и коротким движением кисти щелкнул рубильником: туда-сюда.

Стрелка, как сумасшедшая, запрыгала по шкале, и его глаза заметались вместе со стрелкой, во что бы то ни стало он хотел уловить тот момент, когда она остановится... Но кто-то был у него за спиной, прямо за спиной! — и, зажмурившись, Грег резко обернулся.

Профессор стоял не так уж близко, у входа в комнату, прислонясь к дверному косяку, еще одетый, вода шумела за стенкой. Грег лихорадочно нащупал за спиной и сунул в карман халата прибор со скачущей стрелкой, — как стыдно, нелепо, словно шестилетнего мальчишку застукали на краже варенья...

— И главное — я же видел его, — медленно проговорил профессор, безжизненными глазами глядя мимо Грега. — Высокий, красивый. Все — о нем просто больше нечего сказать. Он... никакой. Тусклый.

Глава VI

Дверь распахнулась резко, рывком — и значит, он был злой, рассерженный, нервный. Он стоял в проеме, не отпуская дверной ручки, и часто моргал — наверное, только что включил свет. Яркая лампа горела прямо у него над головой, бросая на лицо черные асимметричные тени. Он заговорил негромко, приглушенно, он всегда пытался казаться нерушимо спокойным и уравновешенным. И у него никогда это не получалось, как бы отдельно и отчетливо ни произносил он каждое слово:

— Инга. Ты знаешь, который час?

— Здравствуй, Крис.

И я окатила его взглядом: взъерошенные волосы, сощуренные моргающие глаза, махровый халат, разошедшийся на груди и перехваченный сползшим на бедра поясом, а на ногах плюшевые тапочки, не рассчитанные на пятки Криса.

Я его люблю.

Губы Криса дернулись, словно он хотел что-то сказать, а в последний момент передумал, — только его мимическое движение, никогда и ни у кого больше я такого не видела. Он машинально пригладил рукой волосы, отпустив дверь, и она начала стремительно и медленно закрываться, закрываться... Стоп. Мы затормозили ее одновременно с двух сторон, моя выставленная вперед нога случайно переступила порог, — и тут

же я сделала шаг назад. И Крис — тоже.

И можно было просто смотреть на него — выпуклый лоб, стиснутый по бокам височными впадинами, длинные, светлые, но сейчас почти черные в затененных провалах глаза, и кончик ресницы, золотящийся на границе тени, и чуть-чуть дрожащие ноздри, и губы — вот он опять как будто собирался заговорить, а на самом деле нет, и только я это знаю. Просто смотреть. Мне бы хватило.

Я больно прикусила изнутри губы, потом глубоко-глубоко вдохнула — и сказала совершенно нейтральным, сухим и деловым тоном:

— Крис, мне сегодня негде ночевать. Так что я ночую у тебя.

И у него потемнело, в самом прямом смысле потемнело лицо. Показалось, что он сейчас захлопнет передо мной дверь. Из глубины квартиры отрывисто чирикнула канарейка — такая светло-коричневая с зеленоватым отливом, я помню, ее Крис всегда любил. Он крепко стиснул губы в жесткую нервную линию и отступил в сторону, шире открывая дверь. Я вошла.

В коридоре висела та самая, разошедшаяся книзу китайская циновка с поблекшей птицей, и пахло волокнами этой циновки, одеколоном Криса, канарейкой, поджаристыми тостами, чуть-чуть медом, еще чем-то, — в общем, домом. Запахи — сильная вещь. Как будто я никогда и не уходила

отсюда.

— Что у тебя стряслось? — отрывисто спросил Крис, по очереди запирая дверные замки, — их было не то три, не то четыре, — неисчерпаемая тема для моих когдатошних шуток. Кажется, добавился еще один... а может, и нет. Ничего, совсем ничего не изменилось. И было так тихо, и Крису стоило бы помолчать — тогда я бы создала из этих внешних признаков иллюзию продолжения настоящей жизни. Нашей. С канарейкой, замками, старой циновкой и вечной любовью. Но Крис о чем-то спросил.

— Что?

— Я спрашиваю, что у тебя стряслось, — повторил он уже совсем раздраженно, с усилием сажая голос почти до шепота. И я автоматически ответила:

— Ничего.

Замечательное объяснение прихода среди ночи в квартиру совершенно чужого человека. Да, чужого, — если не сочинять иллюзий и посмотреть на все его глазами. Девушка, которую он бросил год назад. Вычеркнул из жизни. С ней можно поздороваться при встрече, можно помнить ее имя, можно по старой памяти помочь ей в трудной ситуации, например, пустить переночевать... Если что-нибудь стряслось. А если ничего...

Я отдала Крису свое пальто. Он машинально

набросил его сверху на вешалку, не ища петельки, и опять беззвучно шевельнул губами.

Рассказать, что я бросила любовника, а перед этим завела любовника, жила с любовником, — рассказать Крису? Допустим. И что — сделать больно, отомстить? Зачем? Да ему, наверное, и не будет больно, ему же все равно. А в остальном... вот видишь, Крис, я даже изменить тебе не сумела как следует, выбрала неизвестно кого, от которого пришлось сбежать поздно ночью и потом проситься на ночлег — и не к кому-нибудь, а к тебе. С тем, чтобы ты мог меня благородно пустить — а мог и не пустить. Вот примерно так бы это звучало. А если еще вспомнить сумасшедшего профессора... Ну, в эту историю Крис попросту не поверит. Потому что кто такая я? — а с профессором он живет на одной лестничной площадке.

— Просто так получилось, Крис, — выговорила я. — Или ты выставишь меня на лестницу?

Шутки в моем голосе почему-то не прозвучало, а вышло как-то извиняющееся и просительно. Крис отступил вглубь коридора, и все его лицо ушло в тень. Раздражение в голосе не усилилось, но и не исчезло.

— Проходи в маленькую комнату, — сказал он. — И потише, пожалуйста, Инга, нечего всех будить.

— Кого это «всех»?

Крис уже отвернулся от меня и беспокойно, нервно перевязал пояс халата. Из большой комнаты снова отозвалась канарейка, ее-то я уже разбудила, но не это ж он имел в виду...

— Не твое дело, — через плечо бросил Крис.

И тут за выходящей в коридор стеклянной дверью щелкнул выключатель и зажегся свет.

— Инга!

«Ин» получилось громко и высоко, чуть ли не фальцетом, а «га» сорвалось на полубеззвучный шепот, и губы Криса приправили, не озвучивая, мое имя какой-то явной нецензурщиной. Чувствуя, как горячая кровь бьет в щеки, я шагнула вперед, прошла мимо — показалось, что сквозь — Криса и распахнула стеклянную дверь.

Женщина была высокая, наверное, только чуть-чуть ниже, чем Крис, и вообще большая, грузная. У нее был халат на пуговицах, и сейчас, стоя ко мне спиной, она лихорадочно застегивала их, наклоняясь к нижним, на уровне колен. На широкой кровати были смяты обе подушки и отброшено к стене скомканное одеяло — на той самой кровати, с которой так четко просматривались трещинки на потолке, семь параллельных и одна наискось. Я непроизвольно подняла голову, будто это было очень важно, остались ли на потолке те трещинки, — а когда

опустила взгляд, женщина уже смотрела на меня в упор.

У нее были крупные, нечеткие черты лица, тяжелый подбородок на толстой шее и беспорядочные прямые пряди неопределенно-русых волос. Причесанная и покрашенная, она, может быть, и была красива — сельски, чувственно, грубо. Но сейчас, когда ее голубые и глупые, как плоски, глаза хлопали белесыми ресницами, а в вырезе халата колыхалась прыщавая бесформенная грудь, — это был просто ужас. У Криса не могло быть ничего общего с этой здоровенной вульгарной теткой.

Крис вошел в комнату, отодвинув меня на ходу и чуть не сбив при этом с ног. Он словно еще надеялся спрятать меня в коридоре, закрыть своей спиной и как-то помешать моей встрече с этой женщиной. Встреча уже состоялась — но еще несколько секунд Крис пытался этого не замечать. Он всегда был такой. Когда объективная реальность не совпадала с его желаниями — Крис игнорировал реальность. Хотя бы недолго.

Заспанная женщина в халате, моргая, смотрела на меня. Я оторвалась от ее взгляда и подняла глаза на Криса. На моего, все равно моего Криса. И он сказал:

— Это. Моя. Жена.

Каждое слово — отдельной фразой.

Коротенький рассказ о последнем годе его жизни, жизни, которая не стояла на месте, которая продолжалась — без меня. Химерный, фантастический рассказ. Так не бывает. Крис — и эта женщина. Уродливая, вульгарная. Толстая.

Она неправильно застегнула халат, пропустив одну пуговицу, и его полы скособочились, изгибаясь и морщась на выпуклом животе. И не такая уж она толстая. Она беременная.

— Клауди, познакомься, это Инга, — уже ровным голосом говорил Крис. — Моя знакомая по студенческим еще временам. Проездом оказалась в городе, переночует сегодня у нас. Так вышло, из нашей прежней компании никого тут не осталось...

Он, наверное, все время ей врал. Иначе бы так хорошо не получалось. Впрочем, Крис и мне врал довольно часто. И еще чаще, наверное, чем я знаю.

Крис. Я его люблю.

— Ну так и отправил бы ее в маленькую комнату, — раздраженно бросила эта Клауди. — Зачем всех на ноги поднимать?

Словно я не живой человек. Словно меня вообще здесь нет. И будто бы она сама не подскочила и не включила свет — Крис ведь, в сущности, хотел сделать именно так, как она сейчас говорит. Дура. Я больно, чуть не до крови прикусила язык. Ненавижу, ненавижу ее! — но так же нельзя, она все-таки беременная женщина,

нельзя...

Она заметила перекося халата и прямо при мне, не отворачиваясь, принялась перестегивать пуговицы. Мелькнул белесый, какой-то рыхлый живот, действительно больше похожий на живот толстухи, чем беременной. Восьмой, наверное, месяц, не меньше. А встретились они с Крисом... ну не сразу же это случилось, они должны были познакомиться на несколько месяцев раньше...

Сырая, влажная, промозглая зима, равнодушные глаза совсем чужого, далекого Криса. «Зачем нам затягивать? Сама же видишь, никакого смысла в этом уже нет». И спина в холодном тумане за протертой на запотевшем стекле полосой — и я точно знаю, что уходит он навсегда. И я спокойна-спокойна: в конце концов, он ушел не к другой женщине, он просто ушел...

Или уже тогда?...

Трещинки на потолке. В свете ночной лампы их так хорошо видно, особенно ту, косую. Я по привычке пересчитываю их и неожиданно — даже для себя — спрашиваю Криса: «А если будет ребенок?» Крис молчит довольно долго, несколько раз тяжело, чуть не со стоном вздыхает, а потом говорит: «Поженемся, конечно, куда я денусь?...»

Здоровые, дебелие, крепкие деревенские девки беременеют гораздо легче, чем болезненные тростинки вроде меня. Всего-то. Крис. Куда бы он

делся?

— Крис! — вдруг визгливо выкрикнула она. — В каком ты виде? Если уже принимаешь тут женщин, хотя бы оденься!

И она неуклюже, словно разъяренный носорог, заметалась по комнате, выдвигая ящики комода и швыряя на кровать одежду Криса. Психованная, как все беременные. Честное слово, мне стало ее жалко. Честное слово, я действительно хотела ей помочь, я просто не успела подумать, что говорю... Честное слово!

Она выдвигала и с шумом задвигала все новые ящики, она уже достала брюки и рубашку Криса, она нервничала, — и я сказала негромко, успокаивающе:

— Если вы ищете носки, то они в антресолях.

— Что?!!

Показалось, что она сейчас упадет — хотя такую не собьешь с ног словом, слова ведь нематериальны... Или набросится на меня с кулаками, когтями, зубами, — но она же знала, что Крис сильнее, она боялась, что он за меня вступится. И все-таки сделала первое: закатила глаза и рухнула на смятую постель, медленно и осторожно, как в провинциальной опере. Но Крис, конечно, поверил. Крикнул «Клауди!», бросился к ней и, стоя на коленях, резко повернул на меня голову. Красиво, слаженно. словно они полгода

вместе репетировали эту сцену. Ненавижу!!!

И в висках грянул концерт, как тогда у профессора, и я уже не видела эту парочку, в которой не было моего Криса, и я крикнула в надвигающуюся со всех сторон темноту:

— Расскажи ей! Как мы с тобой сидели в школе за одной партой, или родились в одном роддоме, или еще какую-нибудь сказочку! А то, не дай бог, догадается, откуда я знаю про носки. И если б только про носки!..

— Молчи.

Крис выговорил это почти неслышно, сквозь зубы. Он смотрел то на нее, то на меня, на его губах шевелились недородженные слова. Я прислонилась затылком к стене, черные точки в воздухе медленно рассеивались. Глаза Криса метались, длинные и светлые, отчаянные, любимые... Зачем я так с ним поступила? И его жена, глупая беременная женщина, она ведь тоже его любит...

Крис наклонился к ней, что-то прошептал. Потом поднялся на ноги и повернулся ко мне.

— Инга. Выйдем на кухню.

Он направился к двери, и в это время Клауди рванулась, привстала, залопотала что-то нечленораздельное. Крис приостановился и кинул через плечо с неожиданной злостью:

— Я тебе что сказал?! Спи!

Кофейник на плите. Кофе в постель — если

хорошо попросить. Интересно, жена Криса когда-нибудь просит его о таких вещах? О чем вообще она его просит? И о чем они разговаривают по вечерам? — совершенно невозможно представить. Как они, черт возьми, живут вместе?!

Над кофейником поднялась темно-коричневая пена, и Крис рывком снял его с плиты. Разлил кофе по чашкам, придвинул одну мне. Молча. Даже не шевеля губами.

— Крис.

Он вздрогнул, обжегся, закашлялся.

— Извини меня, Крис.

Он сделал несколько маленьких глотков, потом заглянул в чашку, подул в нее и залпом допил кофе до самой гущи. И посмотрел на меня.

— Как ты вообще?

Спрятаться за чашкой кофе. Взять себя в руки. Я — вообще. Я существую и вне Криса, нормально существую.

— Хорошо. Работаю, зарабатываю неплохо. Современная деловая женщина.

— Я тебя видел недавно. На остановке, вместе с Энн.

Конечно, Крис уверен, что жизнь продолжалась только у него. Моя в его представлении заморозилась, замерла на месте. Ничего подобного, Крис.

— Это была не я. Энн я уже год как не видела.